

РАЗДЕЛ II ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Древний мир и средние века

УДК 94.(32).04.

Сафронов А.В.

Московский государственный областной университет

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ У «НАРОДОВ МОРЯ» В НАЧАЛЕ XII В. ДО Н.Э.

Аннотация. В статье рассматривается проблема общественного и политического устройства у племен «народов моря» на материале археологических исследований поселений Кипра и Палестины, а также угаритских и египетских письменных источников. Автор показывает, что часть племен «народов моря» была носителями городской культуры, в то время как у других социальные и политические структуры полностью отсутствовали. Автор полагает, что «народы моря» не представляли собой единого целого, а были амальгамой племен с различным уровнем развития социальных и политических институтов.

Ключевые слова: Кипр, миграции, «народы моря», Палестина, позднебронзовый век, Экрон, социальные и политические институты.

A. Safronov

Moscow State Regional University

ON THE PROBLEM OF SOCIAL AND POLITICAL INSTITUTIONS OF THE SEA PEOPLES IN EARLY 12 BC

Abstract. Based on Ugaritic and Egyptian written sources and archaeological data from Palestine and Cyprus, the author examines the social and political system of the Sea Peoples. He shows that most of the migrants were the people of developed urban culture at the time of their arrival in Palestine and to Cyprus. On the other hand, some of them did not have any social and political structures as it is mentioned in written sources. In author's opinion, the Sea Peoples never were a single unit in social sense, but an amalgam of tribes with different level of development of social and political institutions.

Key words: Cyprus, Ekron, Late Bronze Age, migrations, Palestine, Sea Peoples, social and political institutions.

© Сафронов А.В., 2014.

Миграции «народов моря» в начале XII в. до н.э. кардинально изменили этнополитическую карту Переднего Востока. В ходе их исчезли Хеттское царство, Угарит, Амурру, игравшие ведущую роль в регионе во второй половине 2 тыс. до н.э. В результате этих переселений такая «сверхдержава» древнего Востока, как Египет, во второй половине XII в. до н.э. утратила контроль над Палестиной, где «народы моря» создали свои княжества. Их миграции существенно перекроили и политическую карту Восточного Средиземноморья, прежде всего Кипра, дав импульс к широкому проникновению сюда населения юга Балканского полуострова и усилению его взаимодействия с восточными народами.

Казалось бы, этнополитические процессы, приведшие к подобным историческим последствиям, должны были бы оставить после себя значительное количество разного рода источников, прежде всего письменных. Однако последние на удивление малочисленны и малоинформативны. Надпись 5-го года правления Рамсеса III (ок. 1193 г. до н.э.) лишь перечисляет три племени «народов моря» и упоминает в качестве причины их появления в Египте некую войну на их далекой родине [2, с. 144–145; 13, р. 311–318]: «⁽⁵¹⁾ ... Северные чужеземья затрепетали в своих телах, (а именно), *пелесет, текер* [и *турша*]. ⁽⁵²⁾ Опустошили их землю, пришел их дух разрушенным. Были они воинами на суше, другие – на море. Те, которые пришли по земле, были повержены и убиты [...] ⁽⁵³⁾ Амон-Ра (был) позади них, убивая их. Те, которые вошли в устья Нила, подобно птицам, были пойманы в сеть и уничтожены ⁽⁵⁴⁾ ... Серд-

це их вырвано с корнем и отнято, нет его в телах их. Приведены их вожди и убиты. Ниспровергнуты они и пленены [...] ⁽⁵⁵⁾ ... ⁽⁵⁶⁾ ... Задрожали они все как один, (говоря): «Куда нам идти?». Они пришли в страхе перед ним (т.е. фараоном – А.С.) и униженно просили о мире» [10, р. 25]. Столь же малоинформативна самая пространная надпись о «народах моря», датированная 8-м годом правления Рамсеса III (ок. 1190 г. до н.э.): «⁽¹⁶⁾ Чужеземные нагорья (т.е. «народы моря». – А.С.) заключили союз на своих островах. Пришли в движение и рассеялись в пылу битвы страны в один миг. Не устояла ни одна страна перед руками их, начиная с Хатти (Хеттское царство. – А.С.), Коде, Каркемиша. Арцава и ⁽¹⁷⁾ Аласия (Кипр – А.С.) опустошены в [один миг]. [Разбит] (был ими) лагерь в одном месте посреди Амурру (государство в Северной Сирии. – А.С.). Уничтожили они людей его, землю его, которые (стали) несуществующими. Они шли, и пламя занималось впереди них по направлению к Земле Возлюбленной (Египту – А.С.). Их конфедерация (состояла) ⁽¹⁸⁾ из *пелесет, текер, шакалуша, дану(на), вашаша*. Страны объединенные, наложили они длань свою на земли до круга земли. Сердца их (были) тверды и уверенны: «Наши замыслы сбудутся!» [10, р. 39–40]. Хотя надпись 8-го года Рамсеса III несколько дополняет предыдущий текст его 5-го года правления (данные о коалиции северян, сведения о разрушениях ими ближневосточных государств), очевидно, что составить лишь на ее основании представление о причинах миграций «народов моря», их социальной и политической организации и месте их первоначального обитания едва ли возможно.

Еще меньше информации дают хеттские и угаритские письменные источники, в которых постоянно говорится о неопределенных врагах, угрожавших хеттам и Угариту в конце XIII – начале XII в. до н.э., однако конкретно они упоминаются лишь один раз [3, с. 211; 4, с. 5–10].

С самого начала методика изучения проблемы в основном базировалась на попытках сопоставления египетских названий племен «народов моря» с более поздними этнонимами, известными из античных источников, и данными археологии о трансформации культур позднебронзового века Центральной и Южной Европы. Так исследователи стремились, в первую очередь, решить вопрос об исходных районах движения «народов моря». К сожалению, в египетской письменности не отображались гласные звуки, и при сравнении того или иного этнонима надписей Рамсеса III с античными вариантами ему по созвучию можно было подобрать несколько аналогий, зачастую абсолютно не связанных друг с другом исторически. Кроме того, даже твердо установленное соответствие, например, между египетскими *пелесет*, филистимлянами Септуагинты, обозначением Палестины и одноименного народа у античных авторов, едва ли может прояснить вопрос о происхождении этого народа. В результате при таком подходе сформировалось два основных представления об областях первоначального проживания «народов моря». Согласно первой гипотезе, они были выходцами из Центральной Европы и районов Подунавья, оказавшимися в результате миграции на Переднем Востоке [11, S. 59; 14, S. 336–338]. Сторонники

второй точки зрения полагают, что «народы моря» являлись насельниками Эгеиды и Западной Анатолии, а их миграция на Передний Восток была лишь небольшим сдвигом племен, и так находившихся в орбите влияния древневосточных цивилизаций [15, p. 242–244; 16, S. 265–266].

Однако постараемся рассмотреть проблему «народов моря» несколько с другого ракурса, который лишь в последнее время начинает привлекать внимание исследователей. Были ли у «народов моря» развитые социальные и политические институты? Иными словами, были ли они выходцами с варварской периферии, или они пришли из областей, находившихся в тесном взаимодействии с древневосточными цивилизациями?

С одной стороны, у нас есть весьма показательное свидетельство угаритского письма RS 34.129. В нем содержится запрос хеттского царя Тудхалии IV прислать в Хаттусу угаритского сановника, которого захватили в плен «люди *шикалайю*, живущие на кораблях». *Шикалайю* угаритского письма явно идентичны вышеупомянутым египетским *шакалуша*, участвовавшим в нападении на Египет в начале XII в. до н.э. [3, с. 211–212]. Очевидно, что они изображены в письме RS 34.129 как типичные пираты без какой-либо политической и социальной организации.

В то же время в вышеупомянутой надписи 5-го года правления Рамсеса III упоминается о пленении вождей «народов моря» (см. стк. 54. – А.С.). Информация об этих предводителях имеется и в надписи 8-го года, а также в подписях к изображениям пленных «народов моря» на рельефах заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу

[10, p. 42, 104]. В литературном произведении «Путешествие Унамона в Библи» упоминается князь племени *текер* Бедер, правивший в городе Дор на севере Палестины [1, с. 26]. В Ветхом Завете говорится, что филистимляне после прихода в Ханаан поселились под руководством своих правителей в пяти городах (т.н. Пентаполис) – Экроне, Ашдоде, Ашкелоне, Газе и Гате (Нав. 13: 2 – 3). Само по себе это уже подразумевает определенную социальную организацию и наличие политических институтов у «народов моря». Однако твердо доказать, что упомянутые данные Ветхого Завета отражают реалии самого начала XII в. до н.э., а не более позднюю ситуацию, затруднительно. Что касается повести о путешествии Унамона, то она датируется началом XI в. до н.э., т.е. столетием позже нападения «народов моря» на Египет. Наличие вождей у «народов моря» времени Рамсеса III еще не доказывает существование у них в это время развитых политических институтов.

Если обратиться к свидетельствам археологии Палестины конца поздне-бронзового века – начала раннежелезного века, то легко заметить, что они также пока не дают однозначной картины происходившего. Исследователи по-разному трактуют археологические свидетельства миграции «народов моря» начала XII в. до н.э. Одни полагают, что пришельцы были носителями городской культуры, причем сама городская застройка в Палестине выросла в это время почти на одну треть [6, p. 171, 174]. Другие ссылаются на то, что почти все свидетельства о фортификационных сооружениях, храмах и ярко выраженной элитной застройке городов в Палестине после окончания

периода позднебронзового века относятся к концу XII – началу XI вв. до н.э., т.е. они были созданы практически столетием позже появления «народов моря» в Палестине. Следовательно, утверждать, что последние пришли сюда из областей с развитой городской культурой, не приходится [17, p. 289–294]. В этой связи, однако, хотелось бы отметить, что несмотря на основательное археологическое исследование поселений Палестины, мы не имеем достаточных сведений о первичной фазе заселения «народами моря» этой территории. Это связано с объективными причинами: невозможностью в достаточной степени исследовать слои городских поселений рубежа XIII–XII вв. до н.э. в Палестине в связи с их современной застройкой, наличием перепланировки городских поселений в древности, использованием «народов моря» в период первоначального заселения более ранних египетских и ханаанейских сооружений для собственных целей [8, p. 207–208]. Однако существуют некоторые исключения, позволяющие проследить характер первоначального заселения «народов моря» Восточного Средиземноморья. Для этого следует привлечь материал не только из Палестины, но и с Кипра, поскольку этот регион, согласно надписям Рамсеса III, также был затронут миграциями «народов моря».

Первоначальная стадия заселения одного из пяти главных филистимских городов – Экрона (совр. Тель Микне, 35 км к западу от Иерусалима) в первой половине XII в. до н.э. показывает увеличение площади поселения до 20 гектаров (слой VII). Предыдущее небольшое (около 4 га) ханаанейское поселение позднебронзового века было

разрушено (слой VIII)¹, о чем свидетельствуют следы пожара. Это связывается с прибытием в Экрон мигрантов из Эгеиды, принесших с собой так называемую позднемикенскую культуру [5, р. 147; 17, р. 290]. После этого Экрон был обнесен по периметру мощной защитной стеной из необожженного кирпича толщиной 3,25 метра. Кроме того, в слое VII в центре города были обнаружены остатки двух зданий, которые можно отнести к постройкам общественного характера. Первое из этих зданий представляло конструкцию с прямоугольным очагом и базами двух колонн посередине. У ее северной и южной стены были расположены длинные скамьи. Второе строение являлось прямоугольным помещением с обложенной кирпичом ямой для хранения сыпучих тел (зерна?) [5, р. 147; 8, р. 209, 214, fig. 5.8]. Позже (слои VI–V, XI в. до н.э.) эти здания вошли в состав большого архитектурного комплекса, который, возможно, являлся храмом [12, р. 215]. Кроме того, на восточном склоне холма внутри городской стены были обнаружены печи для обжига керамики стиля Позднемикенский III C:1b. Это свидетельствует о существовании в Экроне массового гончарного производства эгейской керамики, а восточную часть города позволяет трактовать как ремесленный квартал [8, р. 209].

¹ Следует заметить, что существует весьма спорная, более дробная периодизация интересующих нас археологических слоев Экрона. Согласно ей, слой VIII города разделяется на слои VIII B и VIII A, где первый соответствует ханаанейскому поселению конца XIII в. до н.э., а второй определяется как переходный период от позднебронзового века к раннежелезному веку I и датируется первой половиной XII в. до н.э. Слой VII, согласно этой периодизации, относится уже ко второй половине [9, р. 80–85].

Сходную ситуацию мы видим на Кипре. В конце периода Позднекипрский II C (около 1200 г. до н.э.) множество процветавших до этого местных поселений было разрушено или заброшено [7, р. 73], а на их месте возникли новые поселения. Судя по массовому местному производству микенской керамики на острове в последующий период Позднекипрский III A новое население так же, как и в Палестине, следует связывать с мигрантами из Эгеиды [7, р. 78] и «народами моря» надписей Рамсеса III. Любопытно, что эгейские мигранты не только использовали старые поселения, но и заново построили, по крайней мере, два поселения – Пила-Коккинокремос и Маа-Палеокастро. Оба поселения были обнесены оборонительной стеной, сделанной в технике так называемой циклопической кладки, которая не зафиксирована на Кипре, но распространена в Южной Греции. На обоих поселениях зафиксированы остатки металлургического производства. Новое население использовало очаги в общественных зданиях и ванны, которые до этого отсутствовали на Кипре, но были типичны для Микенской Греции. Кроме того, в Маа-Палеокастро один из домов выделялся на фоне остальных более высоким качеством отделки [7, р. 74–80].

Таким образом, мы видим уже на первой стадии проникновения «народов моря» в Палестину и на Кипр в начале XII в. до н.э. у части из них наличие сложных навыков градостроительства и существование специализации в керамическом и металлургическом производстве. Сложные и затратные постройки защитных сооружений в Экроне и на Кипре предполагают на-

личие определенных административных структур, способных организовывать такого рода деятельность.

Следовательно, мы можем охарактеризовать часть племен «народов моря» как носителей городской культуры. Это не может особо удивлять, если учитывать их происхождение из Эгеиды, бывшей во 2 тыс. до н.э. регионом с развитыми городскими цивилизациями. В то же время часть «народов моря», судя по упомянутому угаритскому письму RS 34.129, была морскими разбойниками, у которых отсутствовали какие бы то ни было политические институты.

Полученный результат любопытно сравнить с еще одной надписью Рамсеса III. В его заупокойном храме сохранились подписанные рельефы восьми северных народов, противников Египта, аллегорично изображенных в виде связанных пленников. Любопытно отметить, что подписи к пленникам, олицетворяющим племена «народов моря» *пелесет* и *текер*, упоминают, что они имели собственных вождей («вождь (букв. «большой) врагов *текер*/вождь врагов *пелесет*). В то же время у двух других «народов моря» упоминание о предводителях отсутствует, а они сами определены лишь как «*турша* моря» и «*шардана* моря» [10, р. 104]. Заманчиво предположить, что так египетские писцы скрупулезно зафиксировали наличие определенных социальных и политических институтов у одних и их отсутствие у других «народов моря».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Коростовцев М.А. Путешествие Унамуну в Библ. – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 153 с.
2. Сафронов А.В. К трактовке сткк. 51 – 52 5-го года правления Рамсеса III из его заупокойного храма в Мединет Абу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 1. – С. 144–152.
3. Сафронов А.В. Датировка письма RS 34.129 и хетто-угаритские отношения в XIII в. до н.э. // Вестник древней истории. – 2011. – № 4. – С. 211–218.
4. Сафронов А.В. Датировка угаритского письма RS 88.2009 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2013. – № 2. – С. 5–10.
5. Dothan Tr. Reflections on the Initial Phase of Philistine Settlement // Sea Peoples and Their World: the Reassessment. / Oren E. (ed.). – Philadelphia: The University Museum, 2000. – P. 146–158.
6. Finkelstein I. The Philistine Settlements: When, Where and How Many? // Sea Peoples and Their World: the Reassessment. / Oren E. (ed.). – Philadelphia: The University Museum, 2000. – P. 159–180.
7. Karageorghis V. Early Cyprus. Crossroads of the Mediterranean. – Los Angeles: The J. Paul Getty Museum, 2002. – 230 p.
8. Killebrew A.E. Biblical Peoples and Ethnicity. An Archaeological Study of Egyptians, Canaanites, Philistines, and Early Israel, 1300 – 1100 B.C.E. – Atlanta: Society of Biblical Literature, 2005. – xx + 362.
9. Killebrew A.E. Early Philistine Pottery Technology at Tel Miqne-Ekron: Implications for the Late Bronze – Early Iron Age Transition in the Eastern Mediterranean // The Philistines and Other “Sea Peoples” in Text and Archaeology / Killebrew A.E., Lehmann G. (eds.). – Atlanta: Society of Biblical Literature, 2013. – H. 77–129.
10. Kitchen K.A. Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. Vol. 5. – Oxford: B.H. Blackwell Ltd, 1983. – xxx + 672 p.
11. Lehmann G.A. Mykenische Welt und östliches Mittelmeer zur Zeit der «Seevölker»-

- Invasionen um 1200 v. Chr. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1985. – 74 S.
12. Mazar A. The Temples and Cult of the Philistines // *Sea Peoples and Their World: the Reassessment.* / Oren E. (ed.). – Philadelphia: The University Museum, 2000. – P. 213–232.
 13. Safronov A. One unusual example of the sentence with the impersonal subject in Ramses' III 5th year inscription // *Lingua Aegyptia. Journal of Egyptian Language Studies.* – 2008. – Vol. 16. – P. 311–318.
 14. Schachermeyr F. *Mykene und das Hethiterreich.* – Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1986. – 367 S.
 15. Singer I. The Origin of the Sea Peoples and Their Settlement on the Coast of Canaan // *Society and Economy in the Eastern Mediterranean (c. 1500 – 100 B.C.).* / Heltzer M., Lipinski E. (eds.). Louvain: Peeters Publishers, 1988. – P. 239–250.
 16. Strobel A. *Der spätbronzezeitliche Seevölkersturm.* – B. – N.Y.: Walter de Gruyter, 1976. – xi + 291 S.
 17. Yasur-Landau A. *The Philistines and Aegean Migration at the End of the Late Bronze Age.* – New York: Cambridge University Press, 2010. – xii + 389 p.